

Анатолий ЕРМОЛИН

Родился в 1964 году в станице Куцевская Краснодарского края в семье военнослужащего. Окончил Московское высшее пограничное командное училище КГБ СССР им. Моссовета, Краснознаменный институт КГБ СССР им. Ю.В. Андропова. Служил в спецподразделении «Вымпел». Подполковник запаса. Окончил Московский педагогический университет им. М.А. Шолохова и Школу менеджмента

Йельского университета (США). Один из инициаторов скаутского движения в России.

Принимал активное участие в разработке и внедрении образовательных проектов ЮКОСа: «Лицей «Подмосковный», «Новая цивилизация», Федерация Интернет Образования. Директор проекта «Гражданская взаимопомощь» Фонда Кудрина. Автор книг «Навигатор III тысячелетия», «На службе у Детства», «Следопыты Изумрудного города», «Как расколдовать зомби», «Лига Дела», «Одиссея пионера». Кандидат педагогических наук, Лауреат Премии Президента Российской Федерации в области образования. Живёт в Москве.

ОН ПРОСТО ГОВОРИЛ ПРАВДУ

В день, когда умерла Зоря, мы с женой Мариной сразу решили, что надо ехать к Борису Львовичу. Зима в тот год была какая-то серая, унылая, жидкость для ополаскивания стёкол ничего толком не смывала, а лишь размазывала грязь на лобовом стекле под ежесекундное шарканье автомобильных «дворников».

Известие о том, что у Зори внезапно отказало сердце, выбило всех из колеи. В пути я постоянно «висел на трубке», по ходу переговоров с родственниками и друзьями стариков, выясняя, кто возьмёт на себя ту или иную часть печальных хлопот. Сергей

Александрович Филатов готовил гражданскую панихиду в Центральном доме литераторов и выбивал место на Ваганьковском, Илья Урилов - его старики в один голос называли благодетелем - организовывал поминки. Мне выпало «дежурство по Солнечногорску».

Знакомый поворот с Ленинградской трассы впервые не щемил сердце приятным ожиданием встречи с добрыми мудрецами, которые ещё помнили, как надо жить среди людей. Как он там? Как встретит? Как принял новость? В голове никак не укладывалась мысль, что в столь привычной рифме «Боря и Зоря» Зори больше нет.

Дверь в дом открыл Даврон - уважительный, похожий на упитанного чайханщика таджик лет сорока пяти. Последний год он жил в их доме и помогал старикам вести нехитрый быт.

- Заперся у себя, к ужину выйдет, - пояснил Даврон, упреждая мой не прозвучавший вопрос. И уточнил: - Через четырнадцать минут.

- Как это - через четырнадцать минут? - удивился я.

- У него с этим строго - всё по минутам расписано. Офицер! Очень строгий. Один раз подал завтрак на три минуты раньше - так он меня так ругал, так ругал!

Я невольно улыбнулся.

- Так ты у него, выходит, денщиком служишь?

- Хороший человек - честный, строгий, - не до конца понял меня Даврон и отправился на кухню за «офицерским» ужином.

Ровно в шесть вечера Борис Львович вышел к столу.

- А, Толечка! Хорошо, что ты приехал! А Зореньки моей нет.

Мы обнялись. Я сказал какие-то подходящие для этого момента слова, Борис Львович, как положено, вежливо покивал в ответ, но я понимал, что он не слышит меня. Несмотря на его внешне спокойный вид, было заметно, что внутри него идёт огромная душевная работа: он словно утрамбовывал внутри себя злость безысходности и тоску разлуки со своим самым близким и самым верным другом.

Зоренька, как неизменно называл её Борис Львович, при первом приближении представляла собой классический образец лубочной советской бабушки - в домашнем кухонном фартуке, с

банками разносолов в руках и дымящейся, только что откинутой в миску отварной картошкой на столе. Но как только она начинала говорить, - в ней сразу проступала повзрослевшая комсомолка Искра Полякова.

Этот голос и после восьмидесяти лет не утратил силы убеждения, разве что на смену бескомпромиссной юной страстности пришло глубокое спокойствие человека, которого не надо убеждать в аксиоме, что честь, порядочность и человеческое достоинство не меняются ни на какие сокровища мира. Зоря умела убеждать и стоять на своём, как скала. В этом доме часто шутили: «А Зори здесь вовсе не тихие!».

После короткого ужина Борис Львович словно вспомнил о своём существовании:

- Я ведь и писать начал только ради неё - моей Зореньки! - он окинул рукой стеллажи с многочисленными книгами, резко повоенному встал из-за стола и отправился на своё новое рабочее место. В руках у него была книга про известных всему миру девчонок, вставших на пути фашистского диверсионного отряда. После того, как старикам стало тяжело подниматься на второй этаж, они окончательно перебрались вниз, приспособив под новый кабинет Бориса Львовича небольшую комнату, с утлым диваном, шкафом, письменным столом и придвинутым к нему жёстким деревянным стулом.

- Всё время свои книги перечитывает, - шёпотом прокомментировал Даврон.

Так мы до глубокой ночи и просидели: я - боясь шелохнуться, чтобы не отвлечь старика от чтения. Он - с книжными образами, которые столько лет писал со своей любимой женщиной. Рыцарь и его прекрасная дама.

Было видно, что Борис Львович сильно и болезненно изменился, но как-то не так, как обычно меняются старики: не осунулся, а заострился, не сгорбил, а разогнулся, словно на параде, не поник, а воспрял, словно обгоревший в огне боя, пробитый осколками и пулями Андреевский флаг на крейсере «Варяг».

Чувствовалось, что Смерть пришла в этот дом, но он не просил у неё пощады. Всю ночь у меня не выходили из головы строчки Николая Гумилёва из стихотворения «Старый конквистадор»:

*Как всегда, был дерзок и спокоен,
И не знал ни ужаса, ни злости.
Смерть пришла, и предложил ей воин
Поиграть в изломанные кости.*

Под утро Даврон постелил мне в Зориной комнатухе, такой же малюсенькой, что и у Бориса Львовича. На столе стояли склянки с сердечными каплями, пахло валокордином, на открытых книжных полках жались друг к другу пыльные классики. Перед уходом Даврон задумчиво покачал головой:

- Странно вы живёте. У нас бы тут уже полпосёлка было.

Но «полпосёлка» не пришло проводить в последний путь и самого Бориса Львовича, который ушёл за своей Зорей на два месяца позже. В Большом зале Центрального дома литераторов хорошие люди в полупустой зал говорили правильные речи.

У изголовья гроба стоял почётный караул, но не факт, что молодые мальчишки, отдававшие последние воинские почести незнакомому старику, знали, что именно его пламенное сердце бросило на бумагу прожигающую душу строчку: «Есть такая профессия - Родину защищать!».

Страна, кричащая по поводу и без повода истерическое «Ра-си-я!», не заметила ухода своего Пророка. Она продолжала метаться в поисках своей национальной идеи, которую так щедро и бескорыстно дарил ей Борис Васильев всю свою долгую жизнь.

Как бесконечно прав был поручик Гумилёв:

*Он идёт путём жемчужным
По садам береговым.
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.*

Борис Васильев был неисправимым идеалистом: «И да здравствует праздник!.... И пусть все смеются, утирая слёзы от хохота, а не от горя. Момент смеха - момент проявления человека в человекоподобном. Люди добрые, пожалуйста, будьте весёлыми!

И давайте перестанем цепляться за голые факты, похожие на саксаул. Давайте собирать букеты цветущей фантазии, бутоны намёков, лепестки смешинок, припудренные лёгкой росой элегической грусти по временам, навеки оставшимся на том берегу. К чёрту правдивое человекоподобие - да здравствует сказочная человечность!».

Но он не был наивным идеалистом! Он прекрасно знал, в какую эпоху и среди каких людей жил. В зрелом возрасте он увлёкся изучением такого феномена, как «иго», инициировал целый ряд международных научных симпозиумов и получил строгий перечень характеристик этого феномена: геноцид против коренного населения, поголовное уничтожение дворянства как касты военных вождей, уничтожение основной религии, церквей, монастырей и священников.

Как писатель, пишущий на исторические темы, он делает вывод, что на Руси никакого ига не существовало, а была лишь вассальная зависимость от Золотой Орды. Зато о советском периоде он совсем другого мнения: «Россией восемь десятков лет правили оккупанты. Было время, был террор, были палачи, жертвы и толпа. Та же самая, которая подкладывала дровишки в костёр Жанны Д'Арк: психология толпы не меняется во времени».

Борис Васильев постоянно реабилитировал понятие «патриотизм», возвращая его из казённого словаря чиновников и пропагандистов в живой обиход и, что особенно важно, - в душу русского народа. Васильев не сюсюкает, он может быть жёстким, но никогда не переходит к оскорблению оппонентов. Он просто говорит правду: «Легче всего прослыть патриотом, гоняясь за старым евреем с дубиной в руках». Или: «Продуктов в магазинах не прибавилось, но стало понятно, кого проклинать».

Самым печальным итогом двадцатого века Васильев считает «растление русского народа»: «Это скорее клонирование, то есть искусственное создание великого множества одинаковых людей. Одинаковых во всём - в поступках, в реакциях, в мыслях, в семьях, одежде, еде, жилище, в любви и ненависти, в восприятии окружающего и вере в абсолютную непогрешимость вождей».

Как при всём этом в нём сохранилась такая сказочная вера в Человека? В нём, которого вчерашние друзья в 1953 году судили

сталинским «судом офицерской чести» с мотивировкой «за оскорбление всего советского офицерства»! А точнее за то, что отказался выполнить партийное поручение своего командования - сделать доклад о евреях - «убийцах в белых халатах».

И после этого он пишет пьесу «Танкисты», более известную широкой публике по своему кинематографическому воплощению под названием «Офицеры»! Он несёт СВОЮ правду о российском офицерском корпусе, воинской чести, любви и человеческом достоинстве. И на этой правде воспитываются миллионы мальчишек!

В чём секрет силы и обаяния Васильева? В чём источник его жизненных драм и трагедий? Как сказал капитан Бызин, обвинявший Бориса Львовича в оскорблении всего советского офицерства: «Интеллигентный он чересчур. Не для нашего государства рабочих и крестьян»...